

Цинь Ся никак не ожидал, что яичные бургеры окажутся настолько популярными, что спрос на них превзойдет все его ожидания.

Каждый бургер продавался за двенадцать вэнь, и даже при такой цене они разлетались быстрее, чем он успевал их готовить. Многие, попробовав однажды, возвращались снова и брали как минимум два, а порой и больше. Бывали и такие, кто сразу покупал всю партию.

Хотя его утренние блюда, выставленные на рынке в уездном городе, нельзя было назвать дешевыми, их оригинальный вкус привлекал даже тех, кто не мог себе позволить мясо или яйца. Люди утоляли жажду лакомства с помощью одной лишь колбаски из крахмала. Покупателей не смущала цена, и они охотно раскошеливались.

К тому же Цинь Ся заметил еще одну любопытную тенденцию. Если раньше родители, отправляясь с детьми на рынок, чаще всего покупали им тангулу или карамельные конфеты, то теперь многие предпочитали угостить их колбаской.

Одна колбаска стоила три вэня, а две – всего пять. Это было дешевле, чем тангулу, и безопаснее для зубов, чем сладкая карамель, от которой у детей часто портились зубы.

Но на этом перемены не закончились.

После того как Цинь Ся привлек старейшину ли-лао, чтобы разобраться с несправедливостью и получить компенсацию от семьи Гао, он начал замечать знакомые лица среди своих покупателей. Это были соседи из переулков Фужун и Цзытэн. В прошлом они избегали Цинь Ся, боясь неприятностей, и даже запрещали своим детям общаться с его семьей, чтобы не оказаться под дурным влиянием. Теперь же многие из них сами подходили к его прилавку за покупками.

Даже если некоторые из них поначалу проявляли сомнения и не доверяли кулинарным способностям «новоиспеченного» повара, то, увидев очередь у его прилавка, быстро меняли свое мнение. Поняв, что если они не купят, кто-то другой это сделает, они переставали колебаться, доставали деньги и протискивались в передние ряды.

Таким образом, почти незаметно для себя, Цинь Ся благодаря своему мастерству смог изменить негативное мнение, оставшееся после предыдущего хозяина тела. Теперь, прогуливаясь по переулкам вместе с Юй Цзюцюэ, он замечал, что многие соседи приветливо улыбались им и заговаривали первыми.

Несколько дней спустя, пользуясь сохраняющейся популярностью, Цинь Ся добавил новую вывеску с надписью «Цзяньбин-гоцзы» (блинчики с начинкой) к деревянным табличкам, развешанным по краю зонта из промасленной бумаги.

Теперь у него было уже несколько табличек: одна официальная от уличной администрации, другая с именем его лавки, а еще таблички с блюдами – помимо снятого недавно «Жареного

тофу», на них были указаны «Жареная холодная лапша», «Крахмальная колбаска», «Яичный бургер» и, наконец, «Цзяньбин-гоцзы».

Жареная лапша на холодной сковороде предлагалась только на обед, тогда как блинчики цзяньбин-гоцзы были доступны как утром, так и днем, а яичные бургеры оставались строго утренним блюдом с ограниченным количеством порций.

Стоит упомянуть одну забавную историю, связанную с цзяньбин-гоцзы.

В отличие от жареной лапши, для которой яйцо было необязательным, вкус блинчиков без добавления яйца заметно терял. Однако яйца, которые закупал Цинь Ся, были довольно дорогими, и даже несмотря на то, что он не зарабатывал на их продаже, многие покупатели считали это невыгодным.

Как-то раз один из постоянных клиентов решил проявить изобретательность. Он принес с собой яйцо, согретое у себя за пазухой, и, дождавшись своей очереди, извлек его с видимой гордостью.

- Босс, хочу заказать блинчик, но могу ли я использовать свое яйцо? – спросил он.

Цинь Ся, который как раз беспокоился о том, что ближе к Новому году яйца становится все сложнее достать из-за их массовой закупки крупными ресторанами и богатыми семьями, с радостью согласился.

Этот случай стал прецедентом. Люди один за другим начали приносить свои яйца. Некоторые даже оставляли их заранее, ставя специальные отметки, чтобы затем вернуться за своей порцией, не тратя времени в очереди. Те, кто работал неподалеку или не желал мерзнуть в ожидании, стали использовать яйца как своеобразные «жетоны» для бронирования места.

С тех пор, если кто-то спрашивал, где находится знаменитая закусовая семья Цинь на улице Любао, знающие люди с улыбкой отвечали: «Идите вперед, ищите прилавок с рядом сидящих яиц — это он!»

Так неожиданно лавка Цинь Ся прославилась своим «рядом яиц», что лишь укрепило ее популярность среди местных жителей.

□□——

Время незаметно приблизилось к последнему месяцу года — двенадцатому месяцу по лунному календарю, и улицы начали наполняться праздничной атмосферой.

На маленьком прилавке Цинь Ся торговля кипела так, что звенящий звук монет в денежной банке стал приятным ежедневным сопровождением. Вес денег в руке внушал удивительное

чувство уверенности и удовлетворения.

Однако за это приходилось платить дорогой ценой: руки у Цинь Ся и Юй Цзюцюэ от постоянной работы уже начинали болеть. С утра до вечера они крутились, как белки в колесе, испытывая боль в пояснице, судороги в ногах и общую усталость. И даже после такого изматывающего дня находились покупатели, требующие открыть лавку и на ночной рынок.

Цинь Ся лишь разводил руками и умолял дать им передышку. Он сам еще ни разу не побывал на местном ночном рынке с тех пор, как переместился сюда. После обеда, как только они завершали работу на прилавке, их ждал полный цикл домашних дел: вдвоем с Юй Цзюцюэ они засучивали рукава, чтобы перемыть гору посуды, подготовить овощи, смешать начинки и заготовить все необходимое для завтрашней торговли.

А потом наступало время приготовления ужина для дома. При этом они не забывали заботиться о гусе Дафу и тех самых курицах, которые все еще не снесли ни одного яйца.

С наступлением вечера, после того как Юй Цзюцюэ принимал лекарство, они заканчивали день простыми бытовыми вещами. Умывшись, они ложились спать чуть позже девяти часов вечера.

Цинь Ся мечтал, что если удастся собрать достаточно денег, чтобы арендовать помещение для лавки, он больше не будет мерзнуть на улице, торгуя в любую погоду. Это была его главная мотивация продолжать продавать еду по утрам, несмотря на все трудности.

Иногда он даже задумывался, что смог бы обеспечить Юй Цзюцюэ и без утреннего рынка, ограничившись только обеденной торговлей. Эта мысль ошеломила его. Привычка жить вдвоем оказалась настолько сильной, что он уже начинал представлять, как будет скучать по Юй Цзюцюэ, если тот когда-нибудь уйдет.

Размышляя об этом, Цинь Ся лишь усмехнулся над собой.

□□.....

Ночью задули ледяные ветра.

Цинь Ся плотно закрыл окна и тщательно заткнул щели тряпками, чтобы не пропускать холодный воздух.

— Сегодня ночью, кажется, будет похолодание. Я растоплю печь посильнее, — сказал он.

Юй Цзюцюэ, который как раз стелил постель, обернулся и возразил:

— У меня есть грелка, я не замерзну. Если топить слишком сильно, тебе самому будет неудобно.

Цинь Ся, как человек с горячим темпераментом, недавно уже растапливал печь слишком сильно. В ту ночь Юй Цзюцюэ проснулся и заметил, что Цинь Ся сбросил половину одеяла. Ему пришлось аккуратно укрыть его обратно, чтобы тот не замерз.

Цинь Ся не придавал значения.

— Ничего страшного, в крайнем случае укурюсь более тонким одеялом.

Руки и ноги Юй Цзюцюэ были холодными, как ледышки. Старый врач Сюй неоднократно предупреждал: ночью нельзя переохлаждаться, иначе кровообращение нарушится, и лекарства окажутся бесполезными.

Однако, как и предсказал Юй Цзюцюэ, стоило им лечь, и стало ясно, что Цинь Ся переусердствовал. Пока гер с удовольствием растянулся, наслаждаясь теплом, Цинь Ся чувствовал себя словно блинчик на раскаленной сковороде. Он ворочался, не находя удобного положения, и от этого становилось только жарче.

Несколько попыток уснуть закончились неудачей, и сонливость постепенно исчезла.

Когда сон становится таким поверхностным, начинаешь замечать все вокруг. Цинь Ся слушал, как Дафу в клетке возится с соломой, а в перерывах следил за ровным, размеренным дыханием Юй Цзюцюэ.

Но стоило ему немного расслабиться, чувствуя, как тишина убаюкивает, дыхание Юй Цзюцюэ внезапно стало прерывистым и беспокойным, как будто что-то мучительное происходило у него внутри.

Цинь Ся сразу напрягся и перевернулся к нему:

— А-Цзю? А-Цзю!

—

Юй Цзюцюэ оказался в ловушке ночного кошмара.

С тех пор, как он потерял сознание после конфликта с Гао Лу, тревожные сны стали его постоянными спутниками. Ночь за ночью ему снились мрачные, неприятные сцены.

Эти сны были размыты и бессвязны, как и его поврежденные воспоминания. Однако чувства,

которые они вызывали, были пугающе реальны. Юй Цзюцюэ снова и снова переживал отчаяние: его держали за шею, погружали головой в воду, наказывали ударами по ладоням или деревянными досками. Боль была такой невыносимой, что он желал смерти, лишь бы прекратить страдания.

Когда Цинь Ся наконец разбудил его, в глазах Юй Цзюцюэ все еще застыл взгляд, наполненный пустотой и страхом, как будто он только что вырвался из ужасного плена.

Цинь Ся замер, пораженный увиденным. Натянув на ноги домашние туфли, он нащупал свечу, зажег ее и поставил рядом с кроватью, чтобы мягкий свет развеял остатки ночного ужаса.

Свет свечи залил мягким сиянием пространство вокруг, и Цинь Ся заметил, что Юй Цзюцюэ весь покрыт холодным потом. Влажные от пота пряди волос прилипли к щекам, придавая лицу болезненный вид.

— Тебе приснился кошмар? — нахмурившись, спросил Цинь Ся.

Только что Юй Цзюцюэ дышал прерывисто, что-то невнятно бормотал во сне. Цинь Ся предположил, что ему, должно быть, приснилось что-то ужасное.

Он вспомнил, что в книге было упомянуто о проблеме Юй Цзюцюэ — частых кошмарах. Даже придворные лекари не смогли помочь, ведь причина кроется в пережитом прошлом. Это та самая «болезнь сердца», которую можно излечить только лекарством для души.

Цинь Ся подумал, что корни этой проблемы, вероятно, были заложены еще в Циньнаньском уезде. А если копнуть глубже, то жизнь у горького сироты-гера до поступления в дворец, да и в самом начале его пребывания там, наверняка была нелегкой. Все эти мрачные воспоминания, похороненные в глубинах сознания, всплывали в моменты уязвимости, выбивая почву из-под ног.

Юй Цзюцюэ тяжело дышал, его глаза прищурились от резкого света свечи, а в уголках на миг сверкнули слезы, что неуловимо взволновало сердце Цинь Ся.

Стараясь унять свои эмоции, Юй Цзюцюэ ощутил, как виски начинают болеть, словно их пронзает иглами. Однако он сохранил спокойствие, мягко сказал:

— Это был какой-то сумбурный сон. Все хорошо, как только проснулся.

С облегчением выдохнув, Юй Цзюцюэ благодарно посмотрел на Цинь Ся, понимая, что тот помог ему выбраться из кошмара.

— Я, наверное, разбудил тебя, — виновато пробормотал он, опустив взгляд. В душе Юй Цзюцюэ ругал себя за то, что опять стал для Цинь Ся обузой.

Цинь Ся отрицательно покачал головой, тут же придумав оправдание:

— Нет, я проснулся от шума Дафу. Думал выйти, чтобы его приструнить, но увидел, что ты спишь беспокойно. Подумал, что тебя тревожит кошмар, вот и разбудил.

Юй Цзюцюэ моргнул, ошеломленный его словами, не сразу осознавая, что сказанное было намеренно преуменьшено, чтобы избавить его от чувства вины.

— Дафу? — удивленно переспросил Юй Цзюцюэ.

Цинь Ся кивнул с таким видом, будто его действительно разбудил шум гуся. Говорил он так убедительно, что невозможно было не поверить:

— Он там шуршал соломой в клетке. Я сначала подумал, что завелась мышь. А потом вспомнил, что на дворе зима, какие уж тут мыши.

Сказав это, он не удержался от улыбки, и Юй Цзюцюэ тоже слегка улыбнулся. Тяжесть кошмара, будто вязкая грязь, которая тянула его в сон, рассеялась, оставив только легкое воспоминание.

Цинь Ся взглянул на Юй Цзюцюэ, который все еще сидел на кровати, его хрупкое телосложение казалось особенно болезненным в тусклом свете свечи. Голосом, полным заботы, он сказал:

— Ты весь вспотел. Я сейчас нагреею воды, чтобы ты смог умыться, а потом переоденешься и снова ляжешь.

Не забыв, он взял лежавший рядом халат и протянул его Юй Цзюцюэ, чтобы тот накинул его на плечи. Юй Цзюцюэ принял теплый халат, согретый лежанием у края кровати, и, заметив, что Цинь Ся собирается уйти, вдруг почувствовал тревогу. В первый раз слова вырвались у него быстрее, чем он успел их обдумать:

— Муж...

Цинь Ся остановился и обернулся.

— Не уходи пока, — Юй Цзюцюэ закончил фразу с небольшой заминкой, опустив взгляд, словно не хотел навязываться.

Сердце Цинь Ся дрогнуло, словно мягкий желток с жидким центром. Он тут же развернулся, отложив свою задумку, взял чистую ткань и аккуратно вытер пот с лица Юй Цзюцюэ.

Прошло больше четверти часа, прежде чем Юй Цзюцюэ успокоился. Учитывая, что утром их ждет новый тяжелый день, они снова легли спать.

Когда свет погас, Цинь Ся заметил, что Юй Цзюцюэ напряжен. Одеяло было натянуто так плотно, что он, казалось, хотел укрыться даже с головой. Но стоило Цинь Ся лечь, как из-под одеяла появилась тонкая рука, осторожно ухватившаяся за край его одеяла.

— Все еще страшно? — голос Цинь Ся прозвучал в ночной тишине с легкой хрипотцой.

Юй Цзюцюэ, пойманный с поличным, попытался отдернуть руку, но вместо этого почувствовал, как Цинь Ся протянул свою руку и накрыл ее.

Этой ночью Юй Цзюцюэ впервые за долгое время спал крепко и спокойно, словно все дурное, что преследовало его, наконец отступило.

*Цзяньбин-гоцзы 煎餅 - китайский блинчик с обжаренными во фритюре палочками ютяо, мясом и овощами

<http://bllate.org/book/13601/1206024>